

№ 5.

Ц. 5 коп.

БИБЛИОТЕКА ВОЙНЫ.

Бр. 7119

Р а з с к а з ы
нашихъ раненыхъ о послѣднихъ
сраженіяхъ съ нѣмцами.

Началась міровая война противъ нѣмецкихъ государствъ --Германіи и Австро-Венгрии—поднялись Россія, Франція, Англія, Бельгія, Японія, Сербія и Черногорія. Непокійно на Балканахъ.

Можно сказать, весь міръ стоитъ подь ружьемъ. Тѣ государства, которыя пока не воюють, могутъ быть вовлечены въ войну.

Мы переживаемъ такія событія, какихъ міръ давно не видалъ,

Чтобы умѣть разбираться въ событіяхъ настоящаго момента, надо хорошо знать прошлое, вполнѣ опредѣленно выяснить себѣ взаимоотношенія различныхъ странъ и народовъ.

„Библиотека войны“, въ составъ которой войдутъ брошюры, обрисовавшаго прошлое и настоящее воюющихъ странъ и даетъ отвѣтъ на наиболѣе жгучіе вопросы настоящаго времени.

T 8 $\frac{6}{3}$

№ 5.

БИБЛИОТЕКА ВОЙНЫ

===== Р А З С К А З Ы =====

НАШИХЪ РАНЕНЫХЪ О ПОСЛѢДНИХЪ

===== СРАЖЕНІЯХЪ СЪ. НѢМЦАМИ. =====

39

Типографія К. Ф. Некрасова въ Ярославль.
1914.

Сравнительная близость театра военных дѣйствій отъ Москвы и другихъ крупныхъ центровъ, имѣющихъ госпитали, даетъ возможность перевозить раненыхъ съ полей сраженія, въ три-четыре дня.

Въ русско-турецкую и японскую войну санитарные поѣзда приходили въ Москву только черезъ мѣсяцъ. Теперь же раненые 7-го августа были въ Москвѣ уже одиннадцатаго.

Москва является однимъ изъ крупныхъ санитарныхъ центровъ. Соединенная съ театромъ войны цѣлою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, она какъ бы находится въ тылу дѣйствующей арміи.

Намъ, мирнымъ жителямъ, приходится теперь видѣть впервые то, что прежде видѣли только на войнѣ на перевязочныхъ пунктахъ, въ полевыхъ госпиталяхъ. вмѣсто мытарствъ, по этимъ наскоро оборудованнымъ походнымъ госпиталямъ, наши раненые на четвертый-пятый день находятся уже въ настоящихъ больницахъ, въ тихой и мирной жизни.

Всѣмъ имъ, попавшимъ въ просторныя больничныя палаты, поля сраженій, свистъ пуль и грохотъ орудій, отъ которыхъ ихъ отдѣляютъ какіе-то четыре-пять дней, представляются невѣроятнымъ сномъ.

Какъ быстро лѣтитъ время! Сегодня еще на войнѣ: выстрѣлы, крики, темныя ночи, проволочныя загражденія, волчьи ямы... А черезъ пять дней больничная койка. Все такъе недавнее—уже стало воспоминаніями—живыми-и лихорадочными. Трудно опомниться отъ этихъ невѣроятныхъ перемѣнъ. И хочется обо всемъ рассказать, что еще слишкомъ живо въ душѣ.

Всѣ, кому приходилось бесѣдовать съ нашими ра-

неными, свидѣтельствуютъ, что они очень охотно разсказываютъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

Теперь, когда еще война въ началѣ, когда нашей арміи мало приходится дѣйствовать сомкнутымъ строемъ и артиллеріей, прокладывая себѣ путь развѣдочными отрядами, — много случаевъ проявленія личной храбрости. Это начало войны очень богато интересными, захватывающими эпизодами. Однимъ изъ такихъ первыхъ подвиговъ храбрости намъ сталъ извѣстенъ подвигъ донского казака Кузьмы Крючкова, перваго, награжденнаго Георгіевскимъ крестомъ въ нынѣшнюю войну.

Вотъ что разсказываютъ прибывшіе въ Москву раненые, однополчане Кузьмы Крючкова.

Казацій полкъ, въ которомъ служилъ Крючковъ, былъ отправленъ небольшими отрядами на развѣдку. Въ каждомъ отрядѣ было по шесть-восемь человѣкъ. Крючковъ со своимъ отрядомъ благополучно перешелъ границу. Непрiятеля нигдѣ не было видно. Мало-по-малу отрядъ углубился въ Пруссію. Въ небольшой рощѣ казаки заночевали.

Утромъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нихъ показался развѣздъ прусской кавалеріи.

Казаки сначала насчитали всего десять нѣмецкихъ всадниковъ. Старшій съ нарочнымъ послалъ объ этомъ донесеніе начальству.

Черезъ нѣкоторое время къ прусскому развѣзду присоединился другой. Нѣмцевъ было уже 27 человѣкъ. Старшій отправилъ донесеніе, что казаки намѣрены заманить нѣмцевъ къ мѣсту расположенія русской пѣхотной части.

Выполнить это взялись четыре казака: Астаховъ, Крючковъ, Щегольковъ и Иваньковъ.

Когда прусскій отрядъ приблизился на разстояніе ружейнаго выстрѣла, казаки соскочили съ лошадей и открыли огонь.

Нѣмецкій офицеръ что-то скомандовалъ и прусскіе кавалеристы начали быстро удаляться.

Тогда казаки вскочили на коней и съ гиканьемъ помчались на непріятеля, среди котораго произошло замѣшательство. Послышались крики:

— Кашланы, кашланы!..

Такъ пруссаки называютъ русскихъ казаковъ.

Кузьма Крючковъ на своей рѣзвой лошади обогналъ товарищей и первый врѣзался въ непріятельскій отрядъ.

Подоспѣвшие остальные казаки увидѣли Крючкова, окруженнаго пруссаками и размахивающаго своей шашкой. Люди и лошади—все смѣшалось въ общей свалкѣ. Одинъ изъ казаковъ замѣтилъ, какъ въ этой свалкѣ къ Крючкову протискивался прусскій офицеръ съ обнаженной саблей. Казакъ выстрѣлилъ и офицеръ упалъ.

Крючковъ тѣмъ временемъ выхватилъ винтовку и хотѣлъ выстрѣлить въ прусскаго унтера, но тотъ успѣлъ ударить Крючкова саблей по рукѣ, разсѣкъ ему пальцы и казакъ выронилъ винтовку.

Но мгновенно, не смотря на полученную рану, Крючковъ ударилъ унтера шашкой по головѣ. Ударъ скользнулъ по каскѣ. Новымъ ударомъ Крючковъ разсѣкъ унтеру шею. Оставшись безъ начальника, пруссаки растерялись и обратились въ бѣгство.

Но въ то же время два пруссака съ пиками набросились на Крючкова, пытаясь выбить его изъ сѣдла, но Крючковъ ухватился за непріятельскія пики, рванулъ ихъ къ себѣ и сбросилъ обоихъ нѣмцевъ съ коней. Затѣмъ, вооружившись прусскою пикой, Крючковъ опять бросился въ бой.

Прошло нѣсколько минутъ, и изъ 27 пруссаковъ сражавшихся съ четырьмя донскими казаками, остались на коняхъ только три, которые и обратились въ дикое бѣгство. Остальные были или убиты или ранены. Солдаты послѣдъ бѣглецамъ послали еще нѣсколько пуль.

Во время схватки Крючковъ одинъ свалилъ одиннадцать нѣмцевъ и самъ получилъ шестнадцать ранъ. Онъ раненъ пулей, рука изрублена шашкой, остальные пораненія сдѣланы пиками.

Несмотря на это, Крючковъ до самаго конца боя оставался въ строю. Въ Московскій госпиталь ѣхать онъ отказался, заявивъ, что отъ прусскихъ ранъ быстро оправится и опять вернется въ строй, а для этого ему нужно быть ближе къ войнѣ *).

Общее впечатлѣніе раненыхъ таково, что теперешнюю войну съ Манчжуріей и сравнить нельзя!

— Теперь наши солдаты идутъ въ атаку бодро, съ пѣснями!

А солдатскія пѣсни во время наступления производятъ на нѣмцевъ потрясающее впечатлѣніе.

Когда русскіе съ пѣснями стремительно обрушиваются на нѣмецкія траншеи, пруссаки, не принимая удара, прямо обращаются въ бѣгство.

*) Русск. Сл. 13 авг.

Всѣ раненые заявляютъ, что во время боя совершенно забываютъ объ опасностяхъ войны.

— Какъ-то и въ голову не приходитъ, что тебя могутъ ранить...

День на войнѣ обыкновенно проходитъ слѣдующимъ образомъ.

Часовъ въ шесть утра, когда наши солдаты пьютъ чай, нѣмцы начинаютъ артиллерійскую стрѣльбу.

Русскіе двигаются впередъ.

Артиллерійскій бой съ небольшими перерывами продолжается до самаго вечера.

Каждый день надъ полемъ сраженія летаютъ воздушныя итицы—аэропланы, русскіе и нѣмецкіе.

Появление каждаго непріятельскаго аэроплана вызываетъ у нашихъ солдатъ соревнованіе въ стрѣльбѣ.

— Какъ только покажется нѣмецкій аэропланъ надъ нами, такъ у насъ сейчасъ же такая трескотня начинается,— улыбаясь, говорятъ раненые.

Среди нашихъ солдатъ есть много уроженцевъ Прибалтійскаго края, владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ.

На этой почвѣ возникаетъ много курьезовъ.

„Однажды русскіе окопы такъ сблизились съ нѣмецкими, что были слышны разговоры. Какъ-то вечеромъ съ нѣмецкой стороны послышалась команда:

— Отрядъ, налѣво!

Тотчасъ же одинъ изъ нашихъ солдатъ крикнулъ по-нѣмецки:

— Отрядъ, направо!

Изъ нѣмецкихъ траншей высунулось нѣсколько головъ недоумѣвающихъ нѣмцевъ.

Залпъ съ нашей стороны разъяснилъ имъ въ чемъ дѣло.

Въ другой разъ русскій развѣдочный отрядъ въ сумеркахъ услышалъ впереди чьи-то голоса.

Находившійся въ русскомъ развѣздѣ прибалтійскій нѣмецъ крикнулъ по-нѣмецки:

— Кто тамъ?

Отвѣтъ послышался по-нѣмецки же:

→ Свои.

Наши развѣдчики вернулись въ лагерь и сообщили, что впереди открытъ неприятель“ *).

Интересны рассказы нашихъ казаковъ и отношеніе къ нимъ нѣмцевъ.

Казаковъ нѣмцы прямо-таки не выносятъ и называютъ *длинноволосой кавалеріей*.

Завидѣвъ нашихъ казаковъ, быстро несущихся съ гиканьемъ, нѣмецкіе кавалеристы обращаются въ бѣгство, нагоняя страхъ на мирныхъ жителей.

Такъ, въ Инстербургѣ наши казаки въ одномъ изъ домовъ наткнулись на семью, которая въ страхѣ бросилась цѣловать ноги у казаковъ, прося пощадить ихъ жизни.

Въ Сталупеневѣ взятый въ плѣнъ нѣмецъ разспрашивалъ нашихъ солдатъ, правда ли, что начальникъ казаковъ вырѣзалъ сердце у пастора и везъ его на шикѣ **).

По этимъ рассказамъ можно судить, какіе невѣроятныя небылицы распускаютъ нѣмцы о нашемъ казачьемъ войскѣ.

*) Р. С.—13 авг.

**) Газета-Коп.—16 авг.

Къ нѣмецкимъ солдатамъ русскіе относятся презрительно:

— Какіе это солдаты!

По ихъ словамъ, нѣмцы чрезвычайно трусливы, стрѣляютъ въ большинствѣ очень плохо, въ атаку, несмотря на побужденія своихъ начальниковъ, не идутъ.

Обычно нѣмцы пользуются всякаго рода военными хитростями и ловушками. Дороги во многихъ мѣстахъ они перерѣзаютъ глубокими канавами, разставляютъ проволочныя загражденія.

Всѣ, даже самыя мелкія деревушки, которыя приходилось проѣзжать нашимъ войскамъ, изъ-за этой проволоки проходились медленно, съ великими затрудненіями. Проволокою были преграждены всѣ улицы.

Обыкновенно, когда наши передовые отряды приближаются къ нѣмецкимъ деревушкамъ, изъ всѣхъ домовъ начинается ружейная стрѣльба. Оказывается, что это стрѣляютъ жители, желая запугать наши отряды предположеніемъ, что въ деревнѣ стоятъ значительныя силы непріятели.

Вотъ одинъ разсказъ офицера, ярко рисующій ту обстановку, въ которой живутъ тамъ, на войнѣ.

*) — Послали меня со взводомъ на развѣдку дороги, по которой намъ предстояло итти. Было со мной въ развѣздѣ человекъ тридцать. Вышли мы изъ занятаго нами нѣмецкаго городка часовъ въ 8 веч. Начинало темнѣть. Погода стояла хорошая, какая была тамъ почти все время. По пути встрѣ-

*) Утро Р. — 17 авг.

тилъ я еще взводъ подъ начальствомъ корнета, который шелъ устроить засаду, куда мы могли бы заманить противника, если бы встрѣтили его на пути. Пошли вмѣстѣ. Проходя городъ, встрѣтили одного пѣхотнаго командира батареи, предупредившаго насъ, что впереди стоитъ наше охраненіе, и дѣйствительно, пройдя версты три, натолкнулись на пѣхотную заставу. Начальникъ ея рассказалъ намъ, гдѣ расположенъ фронтъ охраненія и другія подробности, и условился съ нами, что если появится непріятель, съ которымъ мы сами не сладимъ, то зажжемъ стогъ сѣна, или факелы, какіе наши солдаты умѣютъ устраивать, привязавъ солому къ остриямъ своихъ пикъ. Если же мы будемъ стрѣлять, то это будетъ означать, что мы находимся въ безвыходномъ положеніи, и необходимо спѣшить намъ на выручку.

Верстахъ въ пяти отъ этой заставы подошли мы къ нѣмецкому фольварку, какіе здѣсь разсыпаны на каждомъ шагу. Остановились, и я вызвалъ охотниковъ:

Кто желаетъ итти со мной осмотрѣть деревню, нѣтъ-ли тамъ непріятельской заставы?

Откликнулось трое, изъ которыхъ я выбралъ одного, и мы пошли съ нимъ въ деревню. Надо сказать, что впереди себя мы отправили головной дозоръ въ составѣ семи солдатъ, и дозоръ этотъ, очевидно, уже прошелъ эту деревню, но это не доказывало, что нѣмцевъ здѣсь нѣтъ, такъ какъ они завели такую тактику: дозорные отряды пропускать, а нападать потомъ на главный отрядъ.

Въ фольваркѣ тишина. Пусто. Ни огонька. Ни лая собаки.

Дойдя до конца, я уже повернулъ назадъ и соби-
рался дать свистокъ своему отряду, какъ мы уже
условились, если путь будетъ свободенъ. Вдругъ за
спиной у меня раздался револьверный выстрѣлъ.
Кто-то, очевидно, офицеръ, цѣлился мнѣ въ заты-
локъ... Мы пустились полевымъ галопомъ, и я не
переставалъ подавать свистки.. Тогда изъ темноты
съ обѣихъ сторонъ на насъ посыпались ружейные
выстрѣлы, подъ огнемъ которыхъ намъ пришлось
подвигаться къ своимъ. Но ночью нѣмцы стрѣляли
плохо, и я помню приятное ощущение отъ сознания,
что пули пролетаютъ мимо, что ни ты самъ, никто
изъ твоихъ людей не ранены. Солдатъ, бывший со
мною, какъ только началась стрѣльба, сейчасъ по-
двинулся съ той стороны, съ которой раздавались
выстрѣлы, и старался заслонить меня собою. За это
онъ былъ награжденъ потомъ Георгіемъ.

Уйти совсѣмъ отъ этой деревни мы не хотѣли,
потому, что здѣсь мы собирались оставить бывшую
съ нами засаду. И потому, когда я вернулся къ сво-
имъ, мы отошли и остановились нѣсколько поодаль,
близъ мельницы. Предъ нами лежала дорога, справа
отъ которой разстилалось болото... Мы раздѣлились:
корнетъ со своимъ отрядомъ пошелъ съ одной сто-
роны, я съ другой, и направились обратно въ де-
ревню. Обыскали ее всю и никого не нашли. Про-
тивникъ, видимо, отступилъ. Но гдѣ онъ, въ какомъ
числѣ, пѣшій или конный, неизвѣстно.. Только сол-
даты наши слышали по сторонамъ свистки, подра-
жанія кукушкѣ и другіе сигналы.

Приходилось обслѣдовать всѣ сосѣдніе фольварки,

„вылизать“ мѣстности, какъ говорится у насъ... Направились къ одному изъ нихъ. Только подходимъ, — залпъ... Потомъ второй. Направились въ противоположную сторону. Тамъ опять насъ встрѣчаютъ залпами, но уже болѣе частыми. Стрѣляютъ изъ темноты. Непріятели не видно, но ясно, что натолкнулись на непріятельскую линію... Рѣшили обслѣдованіе мѣстности отложить до разсвѣта.

Тѣмъ временемъ мысль напряженно возвращалась къ семи дозорнымъ, ушедшимъ впередъ. Надо было во что бы то ни стало выручить ихъ, дать имъ знать, что они окружены непріателемъ, вернуть ихъ. Опять вызывалъ желающихъ: кто хочетъ итти въ догонку своимъ товарищамъ, чтобы спасти ихъ?— Я!.. я!.. я!.. раздалось со всѣхъ сторонъ. Всѣ хотѣли, весь взводъ. Пришлось самому назначить трехъ человекъ, которые скоро и скрылись въ темнотѣ, по дорогѣ.

Намъ же тѣмъ временемъ надо было дать знакъ охраненію, что предъ нами непріятель, численно превосходящій насъ, и сдѣлать это скорѣе, такъ какъ мы слышали, что въ дозорныхъ уже начали стрѣлять. Но какъ подать сигналъ, когда подъ рукою нѣтъ соломы. И вотъ, вмѣсто стога сѣна, какъ было условлено, мы рѣшили поджечь деревню. Сдѣлать это было не трудно, такъ какъ въ Германіи имѣются особенныя спички вымазанныя составомъ, горящимъ даже при самомъ сильномъ вѣтрѣ. „Василій Федоровичъ“ позаботился въ обиліи разбросать эти спички на нашемъ пути, чтобы мы жгли его деревни... Подъ выстрѣлами шесть человекъ подо-

шли къ деревнѣ и зажгли ее. Фольваркъ запылалъ, и мы видѣли, какъ въ сосѣднюю деревушку перебѣгали спѣшившіеся нѣмецкіе уланы.

Насъ не замѣтили. И мы оставались съ безпокойствомъ ждать нашихъ дозорныхъ и тѣхъ, которые отправились, чтобы вернуть ихъ назадъ. И черезъ минутъ пять предъ нами развернулась картина:

Черезъ деревню, объятую пламенемъ, по шоссе, сквозъ огонь летѣлъ на насъ нашъ отрядъ въ десять человекъ, а съ обѣихъ сторонъ на нихъ сыпались нѣмецкія пули... Мы вздрогнули: одинъ изъ солдатъ свалился съ лошади, которая продолжала нестись съ остальными. Убитъ онъ? Раненъ?.. Все равно: у насъ, русскихъ, установился въ эту войну обычай не оставлять въ рукахъ врага не только своихъ раненыхъ, но и убитыхъ. Мы сами хоронили ихъ, если успѣвали, съ отиѣваніемъ, если нѣтъ, такъ просто въ братской могилѣ, вырытой руками товарищей. И мы рѣшили вынести упавшаго.

Корнетъ со своимъ отрядомъ ушелъ въ сторону, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля, а я спѣшилъ своихъ людей, сколько можно было взять съ собой, и мы поползли вдоль шоссе, по канавѣ. Солдата, который былъ, къ счастью, только раненъ, мы спасли, и онъ получилъ теперь Георгія.

Ночью уже все равно ничего больше нельзя было предпринять, и мы рѣшили отложить дальнѣйшую развѣдку до утра. Съ разсвѣтомъ корнетъ со своимъ взводомъ остался въ засадѣ, которую намъ все-таки удалось устроить, а я пошелъ впередъ и скоро на-

толкнулся на 2 эскадрона улановъ. Тогда я употребилъ такой маневръ: съ отрядомъ и отошелъ въ сторону, а двухъ охотниковъ послалъ скакать во весь галопъ въ сторону, чтобы создать у непріятеля подозрѣніе, что они скачутъ куда-то съ донесеніемъ, и, слѣдовательно, онъ захотѣлъ бы во что бы то ни стало перехватить ихъ. Скакать они должны были по направленію къ засадѣ, но, не останавливаясь, подать ей знакъ и скакать дальше.

Маневръ удался. Отдѣлился полу-эскадронъ, который погнался за нашими, и нарвался на засаду. Эта погоня стоила ему 11 человѣкъ, убитыхъ нашими.

Ироническое отношеніе къ нѣмцамъ и къ ихъ „Василію Федоровичу“ уже установилось у нашихъ солдатъ. Взятыхъ въ плѣнъ они разсматриваютъ съ любопытствомъ и страшными не находятъ.

Одинъ раненый офицеръ вспоминаетъ, какъ въ самомъ разгарѣ битвы мимо него проходитъ солдатъ-кирасиръ. Рука у него на перевязи,—боевой перевязи: привязана бинтомъ къ шашкѣ,—очевидно, сломана. Воротъ растегнутъ. Шапка кокардой на бокъ. Въ здоровой рукѣ расщепленный прикладъ винтовки. По лицу струится потъ:

— Ну, ваше благородіе,—рапортуетъ онъ,—нѣмецъ никуда не годится!

— А что?

— Да какъ же! Я ихъ нѣсколько человѣкъ вотъ этимъ прикладомъ раздѣлалъ, а они со мной сладить не могли!

Въ Вильну привозятъ унтеръ-офицера кирасира.

Правая рука у него отрублена вмѣстѣ съ плечомъ. Лѣвая нога изуродована. Сначала онъ стонетъ, но потомъ, когда ему дѣлаютъ перевязку, вдругъ начинаетъ смѣяться.

— Чего ты смѣешься?—спрашиваютъ его.

— Оттого, что мнѣ вотъ перевязываютъ. Скоро здоровъ буду. Опять пойду...

— Куда? Зачѣмъ?

— Съ нѣмцемъ драться... Я ему покажу!

И онъ угрожающее потрясаетъ оставшейся лѣвой рукой.

И рассказчикъ торопится предупредить, что это все не единичные случаи, что и среди его солдатъ и въ другихъ частяхъ такихъ смѣльчаковъ много, что не перескажешь всего объ ихъ отвагѣ и подвигахъ... (Утро Р.).

Большинство нашихъ солдатъ получили раны въ ноги. Очень много раненыхъ въ лѣвую руку. Солдаты, находящіяся въ стрѣлковой цѣпи перебѣгаютъ отъ прикрытія къ прикрытію. А непріятель, сидящій въ окопахъ, посылаетъ пули понизу, которыя и ранятъ перебѣгающихъ въ ноги.

Обиліе ранъ въ лѣвую руку объясняется тѣмъ, что при стрѣльбѣ лѣвая рука всегда выдается впередъ.

Всѣ раненые настроены очень бодро, и всѣ они, не колеблясь, рѣшили по выздоровленіи вернуться въ строй.

Докторъ одного изъ московскихъ госпиталей рассказываетъ, что одинъ солдатикъ, раненый нѣмецкой

пулей, прямо негодуешь на то, что его доставили въ Москву. Онъ былъ раненъ въ руку и самъ сдѣлалъ себѣ перевязку. Послѣ этого три дня участвовалъ въ бояхъ. На четвертый день пошелъ на перевязочный пунктъ.

— И вдругъ меня воротили назадъ въ Рассею. Съ какой стати? Какой я раненый?

И онъ требуетъ, чтобы его, какъ здороваго, выписали и отправили опять на службу.

Спокойствіемъ вѣдетъ ото всѣхъ раненыхъ.

Всѣ, кому приходится имѣть съ ними дѣло, говорятъ объ этомъ.

Раненые страдаютъ молча. Они какъ будто стыдятся своихъ стонovahъ. Даже тяжело раненые, когда ихъ перевозятъ съ желѣзной дороги въ больницу, стиснувъ зубы отъ невѣроятныхъ мученій, стыдятся показаться слабыми, проронить стонъ.

И уже на больничной койкѣ, томясь въ жару и бреду, изнемогая подъ тяжестью кошмаровъ, они стонуть въ своемъ безпокойномъ снѣ. Просыпаясь въ бреду, позабывъ гдѣ они теперь, взволнованно спрашиваютъ:

— Гдѣ моя винтовка?

Такъ страдаетъ нашъ солдатъ въ дни тяжелыхъ испытаній!

БИБЛИОТЕКА ВОЙНЫ.

1. П. Критскій. Изъ-за чего началась война.
2. С. Карповъ. Эльзась-Лотарингя.
3. П. Критскій. Когда и за что мы воевали съ нѣмцами.
4. Н. Новицскій. Ледовое побоище. Сражене съ нѣмцами въ 1242 г.
5. Разказы нашихъ раненыхъ о послѣднихъ, сраженяхъ съ нѣмцами.
- 6—7. А. З. Современные варвары.
- 8—9. М. Богдановичъ. Червонная Русь (Австрійскія Украины).
- 10—11. А. З. Трагедя Габсбургскаго дома.
12. Пѣсни Балканскихъ славянъ. Сербя.

ЦѢНА КАЖДАГО № 5 коп.

ВОЙНА 1914 ГОДА.

(Лѣтопись событій до 26 июля) ВЫПУСКЪ 1-й.

Съ требованіями обращаться: Москва, Б. Козихинскій пер., д. 31, кв. 2.
Книжный складъ К. Ф. НЕКРАСОВА. Тел. 3. 38-45.